

К.И.Зубков
Екатеринбург

Геополитический фактор в истории освоения восточных регионов России

При анализе исторической динамики освоения обширных пространств России практически вся советская (а теперь и постсоветская) историография оставляла без должного внимания вопрос о критериальной базе, позволяющей максимально объективно оценивать результаты и реальную степень прогрессивного развития расположенных за Уралом окраин страны. Общепринятая система количественных критериев, оперирующая показателями прироста населения, его обеспеченности социальными благами, темпов капиталовложений, динамика валового промышленного продукта и т.д., не дает вполне ясного представления о том, в какой исторический момент регион утрачивает характер утрачивает характер отсталой периферии и приобретает необходимый потенциал для внутреннего саморазвития, образно говоря, всю полноту общественного бытия.

Эта проблема получает неожиданный ракурс при переходе к изучению регионов так называемого ближнего Востока России (Урал и юг Западной Сибири), которые сегодня относятся к типу старопромышленных и вслед за прохождением фазы индустриальной зрелости переживают депрессивный спад, гораздо более глубокий, чем остальная Россия. Можно ли считать это проявлением попятного движения от состояния "освоенности" к превращению в новую периферию, или следует признать, что за внушительным индустриально-урбанистским фасадом эти регионы сохранили и продолжают сохранять устойчивые, хотя и скрытые, признаки периферийности? Возникновение подобных проблем связано с игнорированием важной составляющей исторического анализа, а именно, представления о цивилизационном типе изучаемого общества, его своеобразий с точки зрения двух взаимосвязанных признаков: характера территориального роста государства и его политической морфологии. Связь этих параметров общественного развития относится к предмету геополитики-науки, которая длительное время игнорировалась в отечественной системе гуманитарного знания. Следствием этого стало заведомое обеднение методологии изучения пространственно организованных систем, в первую

очередь, тех обществ, для жизни которых проблема территориальных, или региональных различий имеет критическое значение.

Исторической особенностью пространственного роста Российского государства на востоке являлся "концентрический" тип территориально-политической организации, постоянно воспроизводимый на вновь присоединяемых окраинах. На эту специфику России, в сравнении с другими империяльными образованиями, обратил внимание в конце 80-х годов XIX в. Н.Я. Данилевский, который подмечал, что направляющиеся из центра страны колонизационные потоки русских людей, как правило, "образуют не новые центры русской жизни, а только расширяют единый, неразделимый круг ее". Отсюда и сам процесс русской колонизации предстает как последовательное расширение целостного континентального массива, политической и духовной "осью" которого остается великорусский исторический центр. Сам термин "освоение", не имеющий, кстати, адекватной понятийной кальки в европейских языках (в английском языке, например, он полностью поглощается более широким понятием "развитие"), отчетливо характеризует эту цивилизационную специфику территориального роста России.

На данную черту "московитской цивилизации" указывают и современные авторы. Английский исследователь Ш.Эйзенштадт, относя Россию к общественным коалесцентным (единовременно-гомогенным) типом социальных связей (наряду с Византией, Китаем, Османской империей и др.), считает критерием такой идентификации "центростремительность" русской политической и религиозно-духовной жизни, а последнюю объясняет исторически сложившейся практикой предельной монополизации центральной элитой всех сколь-нибудь существенных властных решений. В этой системе доступ вторичных, в частности, периферийных элит к центру практически блокирован, импульсы к развитию определяются не возвышением периферии в качестве новых организующих центров, а сменой правящих элит в центре страны.

Нетрудно заметить, что данная парадигма сохраняла свое значение и в советскую эпоху. Специфическая организация власти в центре и на местах обуславливала и вполне определенный способ политической мобилизации ресурсов (достаточно вспомнить вертикально организованную советскую систему отраслевых "индустриальных империй" и

фактор нерациональных сверхдальних перевозок), почти не допуская исключений в пользу регионов. Отсюда и уровень реальной регионализации, опоры на автономные ресурсы развития был весьма слабым и эфемерным, к тому же искусственно блокировался.

С этой точки зрения, несмотря на внешнее сходство процессов, освоение Азиатской России существенно отличается от колонизации Дальнего Запада США, пространственная и социально-политическая динамика которой достаточно убедительно описывается геополитической концепцией "подвижной границы" Ф.Тернера (конец XIX - начало XX в.). Продвижение американских пионеров на новые западные земли сопровождалось утратой жестких связей с историческим центром (Новая Англия), возникновением самостоятельных местных центров тяготения (отсюда развитая федеративная модель государственного устройства), видоизменением социальных институтов и самого типа личности колониста, который лишь в прериях Запада становится подлинным американцем. Более того, по мысли Тернера (и это наиболее спорный тезис его концепции), и генезис американской политической системы происходил под определяющим воздействием социальных и политических ценностей пионеров, которые транслировались с линии "фронта" в обратном направлении - на освоенный восток страны.

Применение геополитического метода к ретроспективному изучению процесса развития Востока России позволяет сделать вывод о том, что историческая оценка результатов этого развития должна исходить не только из чисто экономических или социальных критериев, но и в неменьшей степени из реальных прогрессивных сдвигов в регионообразовании, становлении новых региональных центров организации политической и культурной жизни.